

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1

ВЕСНА — ЛЕТО
2004

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Сазыкин.* Ранний монгольский перевод рассказов о пользе «Алмазной сутры» 7
- Ма Жун.* Книга о верности. Предисл., пер. и примеч. И.Ф. Поповой 60

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.И. Колесников.* Материалы к характеристике политической и этноконфессиональной ситуации в восточном Иране и Хорасане (по сведениям мусульманских географов IX–XII вв.) 69
- Ж.С. Мусаэлян.* Мела Махмуд Баязиди и его первый перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси на курдский язык 98
- И.С. Гуревич.* К характеристике языка памятников жанра *пинхуа* (平話) периода Сун–Юань 108

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

- О.Ф. Акимушкин.* К вопросу о среднеазиатских переплетах рукописных книг (30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.) 143
- Е.И. Кычанов.* Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» 147

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2004

<i>Вал. В. Полосин. Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы (проблема идентификации)</i>	160
<i>О. П. Щеглова. Коммерческие каталоги индийских книгоиздателей</i>	177

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>М. И. Воробьева-Десятовская. К истории сложения буддийского канона: проблема языкового разнообразия и авторства буддийских канонических текстов</i>	200
--	-----

РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ

<i>Л. И. Крякина, И. Н. Кулешова. Физико-химические исследования и реставрация тангутских рукописей и ксилографов XII в. из коллекции СПбФ ИВ РАН</i>	219
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т. В. Ермакова. Научная конференция «Научные экспедиции в Китай и Центральную Азию в первой трети XX в. К 140-летию С. Ф. Ольденбурга (1863–1934)»</i>	243
<i>М. И. Воробьева-Десятовская. Собрание восточных рукописей СПбФ ИВ РАН. Несколько слов об истории Азиатского музея</i>	246

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. И. Кычанов. Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография)</i>	252
<i>А. Гордин. С. М. Якерсон. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты</i>	253
На четвертой стороне обложки: л. 13b–14a рук. Q 415 сборника рассказов о пользе «Алмазной сутры» из собрания СПбФ ИВ РАН (к статье А. Г. Сазыкина)	

Над номером работали:

Р. И. Котова
Л. Л. Михалевский
Э. Л. Эрман
И. Г. Ким
О. В. Волкова
Е. В. Катышева
А. В. Богатюк

Мела Махмуд Баязиди и его первый перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси на курдский язык

Труд выдающегося курдского историка Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» — единственный пока известный памятник, освещающий историю курдов и Курдистана, а также историю сопредельных стран позднего средневековья. Он был написан на персидском языке в конце XVI в. и давно уже признан ученым миром как ценный историко-культурный источник не только курдов, но и народов Ближнего Востока. Сочинение Шараф-хана переведено на турецкий, французский, арабский, русский языки, отдельные главы опубликованы в переводе на немецкий язык¹. В 1972 г. «Шараф-наме» было издано на южном диалекте курдского языка (*сорани*)².

Благодаря работе талантливого ученого-курдоведа М.Б. Руденко³ стало известно, что в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится перевод сочинения Шараф-хана Бидлиси на северный диалект курдского языка (*курманджи*), выполненный в середине XIX в. видным ученым и общественным деятелем Мела Махмудом Баязиди под названием «Таварих-и кадим-и Курдистан»⁴.

Как явствует из предисловия к переводу, инициатором его создания был видный русский ученый-востоковед А.Д. Жаба. В предисловии Мела Махмуд Баязиди писал: «Книга Шараф-хана встречается очень редко, и во всем Курдистане находятся два-три списка. По поручению господина Жабы я перевел ее с персидского на язык курманджи»⁵. И далее он сообщает, что перевод был им осуществлен в 1275 г.х. (1858-59 г.).

Имена А.Д. Жабы и Мела Махмуда Баязиди, неразрывно связанные между собой, навсегда вошли в историю курдоведения.

Август (Александр) Дементьевич Жаба (1801–1894) — один из корифеев русского курдоведения — с 1830 г. работал на дипломатической службе на Востоке. В мае 1856 г. он был назначен консулом в Эрзерум. Именно в это время академик Б.А. Дорн в Петербурге предложил А. Жабе заняться собиранием и изучением материалов на диалекте курманджи. В этот период курдоведение в России только зарождалось и носило описательный характер. Однако наряду с накоплением описательной литературы и сведений о курдах предпринимались попытки научного освещения отдельных вопросов курдского языка, литературы, истории.

А. Жаба отличался большой эрудицией, говорил и писал на многих западных и восточных языках, в совершенстве владел турецким, арабским, персидским. Продолжи-

Мусаэлян Жакелина Суреновна — к.ф.н., ст.н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. М., 1967. С. 20, 23.

² ١٩٧٢ شرفنامه‌ی شرفخانای بدلیسی، هه‌زار کردویه به کوردی، چاپخانه‌ی نعمان، نه‌جه‌فی بیروز،

³ Руденко М.Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Мела Махмуд Баязиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. 1. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указ., оглавл. К.К. Курдоева и Ж.С. Мусаэлян. М., 1986 (ПТВ, LXI). С. 1.

тельное пребывание в Курдистане дало А. Жабе возможность основательно изучить язык и быт курдов. Весь свой досуг он проводил в поисках и изучении материалов по литературе, языку, истории курдского народа и не прекращал своей деятельности в этой области до конца жизни⁶.

Большую, неоценимую помощь оказал А. Жабе мулла и ученый Мела Махмуд Баязиди.

По сведениям А. Жабы, Мела Махмуд Баязиди, курд по национальности, родился в 1797 г. в городе Баязиде (Турция). Свои первые изыскания он сделал в своем родном городе, а позднее — в Тебризе. В детстве он изучал Коран, литературу на арабском, персидском и турецком языках. После поездки в Персию и Курдистан он возвратился в Баязид, где стал главой школы и сразу же приобрел известность среди своих соотечественников. С падением Пахлул-паши, последнего отпрыска из правящего племени курдов в Баязиде, он обосновался в Эрзеруме. Свое пребывание в Эрзеруме Мела Махмуд начал с профессии учителя. Совершив паломничество в священные мусульманские города, он стал именоваться Хаджи и снискал большое уважение среди мусульманского духовенства. Следует отметить, что Мела Махмуд Баязиди пользовался авторитетом среди государственных представителей Османской Турции. Несколько раз он был уполномочен султанскими правителями вести переговоры с руководителями курдских восстаний в районах Бохтана и Хаккари. Так, в 1846 г. мушир Хафиз-паша возложил на него военную миссию вести переговоры со знаменитым Бадр-хан-беком, поднявшим восстание в Джебзире против Порты. Год спустя по приказу Камил-паши, тогдашнего правителя Эрзерума, он был направлен к Нурулла-беку, главе курдов Хаккари, который также поднял восстание против османского правительства. И вновь цель его миссии была вести переговоры с Нурулла-беком о прекращении восстания.

По сведениям А. Жабы, Мела Махмуду Баязиди было поручено встретить и сопровождать брата Бадр-хан-бека Хан-Махмуда, когда последний прибыл в Эрзерум. «Этого могущественного господина знали не только курды, но и османское правительство проявляло к нему большой интерес. В продолжение его путешествия в Эрзерум ему были оказаны всевозможные почести»⁷.

Есть основания предполагать, что Мела Махмуд Баязиди имел тайные связи с руководителями курдских восстаний. Вероятно, он старался выполнять правительственные поручения не в интересах османской Турции, а в пользу восставших курдов. В статье, посвященной восстанию Бадр-хан-бека (1846–1848), в газете «Курдистан» (1898 г., № 13) сообщается: Султан Маджит отправил Мела Махмуда Баязиди из Стамбула в Джебзире к Бадр-хан-беку, чтобы вести переговоры с ним о прекращении восстания и привезти Бадр-хан-бека в Стамбул. Мела Махмуд издавна был знаком с Бадр-хан-беком. Когда он прибыл в Джебзире, то сообщил Осман-паше — командующему османскими войсками, что отправляется к Бадр-хан-беку, чтобы уговорить его прекратить восстание в Курдистане, и просил Осман-пашу не нападать на Джебзире до тех пор, пока не вернется с ответом от Бадр-хан-бека. Тогда же он показал Осман-паше фирман Садр-Азима Рашид-паши. Об этом имеются сведения в книге султанских указов. Осман-паша хотел вступить в сражение с Бадр-хан-беком и ознаменовать свое нападение на Джебзире большой победой. Сперва он не позволил Мела Махмуду идти к Бадр-хан-беку и задержал его, но потом отпустил. Не ожидая ответа от Бадр-хан-бека, Осман-паша напал на Джебзире. И когда он встретил организованное сопротивление восставших курдов против его войск, то решил, что Мела Махмуд выдал секрет о готовившемся на них нападении. Мела Баязиди принес ответ

⁶ Мусаэлян Ж.С. А.Д. Жаба и курдоведение // ПП и ПИКНВ. М., 1991. XXIV/III. С. 83–99.

⁷ Jaba A. Recueil de notices et récits kourdes. SPb., 1860. С. IX.

от Бадр-хан-бека и выразил свой протест Осман-паше в связи с его нападением на Джезире. Тогда Осман-паша арестовал его и в сопровождении конвоя отправил в Стамбул. В письме, адресованном главе османской Турции, он писал: «Этот человек — союзник Бадр-хан-бека, он изменник государства». Мела Махмуд был сослан в Ван⁸.

О пребывании Мела Баязиди в Ване А. Жаба сообщает следующее: «Спустя некоторое время Хан-Махмуд восстал в Хавадже — месте своей резиденции, расположенной в десяти часах от Вана, предоставленной ему османским правительством»⁹. Тогда власти Турции стали подозревать Мела Махмуда в том, что он замешан в этом восстании. Они схватили его, бросили в тюрьму и отпустили лишь через 15 дней. Мела Махмуд пользовался большим авторитетом, что не позволило подвергнуть его более суровому наказанию. Тем не менее доверие официальных кругов, по-видимому, было утрачено, и в судьбе Мела Баязиди начались превратности.

Далее А. Жаба отмечает, что в течение русско-турецкой войны (1853–1856) Мела Махмуд потерял брата. В период поражения Турции дела его сыновей, занимавшихся коммерцией, пришли в упадок. «Бедный Махмуд не может больше терпеть нужду и думает о возвращении в Курдистан после моего отъезда из Эрзерума», — пишет А. Жаба¹⁰. В этот тяжелый для Махмуда Баязиди период А. Жаба обратился к нему за помощью.

«Среди писателей Эрзерума Мела Махмуд единственный, пожалуй, взявшийся за редакцию персидских произведений и за их перевод на турецкий и курдский языки. После 1856 г., — сообщает А. Жаба, — он стал моим учителем, осведомителем и сотрудником в изучении языка, истории и культуры курдского народа»¹¹.

Так, выполняя поручение академика Б.А. Дорна, А.Д. Жаба приступил в Эрзеруме к собиранию рукописных материалов на курдском языке и его изучению. С помощью образованных курдов, и в особенности Мела Махмуда Баязиди, ставшего его ярым помощником, он приобретает сравнительно большое количество курдских рукописей и присылает их в Петербург в Академию наук¹². Мела Махмуд становится переписчиком, переводчиком и автором некоторых сочинений. Уже в конце 1856 г. А. Жаба доставляет в Петербург ряд рукописей, в их числе были переписанный Мела Махмудом перевод турецких пословиц на курдский язык и перевод персидских сказок.

Среди рукописей, принадлежавших перу Мела Баязиди, были труды по истории, этнографии, фольклору, языку курдского народа. В 1858–1859 гг. он переписал арабско-персидско-курдскую грамматику Али Теремахи, автора конца XVI — начала XVII в., и снабдил ее своим предисловием (автографом), в котором привел биографические данные об Али Теремахи, упомянул других курдских ученых и авторов грамматик, дал сведения о школьном образовании и культурной жизни Курдистана, представляющие определенную ценность.

В это же время, в 1858–1859 гг., Мела Баязиди по предложению А. Жабы написал интересное сочинение «Нравы и обычаи курдов», повествующее о приметах и поверьях, об устройстве жилища, о национальных играх и музыке, о видах ремесла и основных занятиях курдов. В этом сочинении автор отразил свое представление о нравах и обычаях курдов. Рукопись в 1963 г. была опубликована М.Б. Руденко¹³.

⁸ Курдистан (газ.). 1898. № 13. С. 3–4 (на курд. яз.).

⁹ *Jaba A. Recueil de notices et récits kourdes.* С. IX.

¹⁰ Там же. С. X.

¹¹ Там же. С. IX–X.

¹² *Лерх П.И.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. II. СПб., 1857. С. IV–V.

¹³ *Мела Махмуд Баязиди.* Нравы и обычаи курдов. Пер., предисл. и примеч. М.Б. Руденко. М., 1963.

Мела Махмуд — переписчик и один из трех авторов «Курдско-французского разговорника (Курдские диалоги)», составленного как пособие для изучения курдского языка¹⁴.

Интересна судьба этой рукописи, завершенной в 1275 г.х. (1858-59 г.) Она не значилась в коллекции курдских рукописей Санкт-Петербургских собраний, но из письма А. Жабы акад. Б.А. Дорну в марте 1876 г. следует, что он собирался прислать ее в Петербург. По-видимому, что-то помешало А. Жабе осуществить это намерение. Сравнительно недавно, несколько лет тому назад, эта рукопись курдских диалогов была обнаружена в архиве СПбФ ИВ РАН при разборе фонда В.Ф. Минорского¹⁵.

Личность А. Жабы, его успешная научная деятельность на благо развития курдоведения не могли не вызвать интереса ученых. В.Ф. Минорский оставил следующую запись на титульном листе рукописи разговорника: «Какой почтенный человек: не погряз в мелочах консульского бытия, а с просвещенным интересом изучал жизнь народа, чье будущее в те времена было еще менее разгадано, чем теперь». В 1913 г. В.Ф. Минорский, находясь в Константинополе и узнав, что бумаги ученого остались у его семьи в Смирне, обратился к российскому консулу в этом городе с просьбой разыскать оставшийся архив А. Жабы. Консул обратился к сыну А.Д. Жабы, и, как пишет В.Ф. Минорский: «Семья охотно прислала мне всю кипу бумаг, но многие из рукописей оказались уже напечатанными в изданиях Академии наук. Мне так и не удалось узнать, имеется ли копия настоящей рукописи в Академии»¹⁶.

Уникальная рукопись «Курдские диалоги» была подарена В.Ф. Минорским СПбФ ИВ РАН в мае 1952 г.

Более 3000 диалогов (476 с. рукописи) охватывают некоторые стороны жизни и быта курдов Турции середины XIX в. В них содержатся сведения о нравах, обрядах, обычаях, правилах этикета, в том виде как это понимали авторы разговорника. В текстах, построенных в форме беседы двух курдов, приводятся конкретные исторические факты (например, о русско-турецкой войне 1853–1856 гг.), сведения о курдских племенах, их численности, территориальном расселении. В одном из разделов диалогов под названием «О знании языков» прослеживаются биографические данные из жизни Мела Махмуда.

В предисловии к завершеному в 1880 г. переводу диалогов на французский язык А. Жаба сообщал, что намеревается написать биографию своего верного помощника Мела Махмуда Баязиди. Возможно, русский консул и выполнил свое обещание, на что у него были все основания, однако рукопись, к сожалению, пока не обнаружена.

Первые сведения о классической курдской литературе А. Жаба получил у Мела Махмуда Баязиди и с его помощью составил первые французско-курдский¹⁷ и курдско-французский словари¹⁸, а также словарь курдских диалектов хаккари-раванди¹⁹. Между тем, как отмечал А. Жаба, Мела Махмуд Баязиди в большинстве случаев не подписывал свои сочинения или сделанные им копии и переводы своим именем, чтобы не навлечь на себя недовольство мусульманского духовенства, которое, несомненно, осудило бы мусульманина, да еще вдобавок муллу, составлявшего свои сочинения и делавшего переводы по заказу и просьбе иноверца²⁰. Некоторые из переписанных

¹⁴ Мусазян Ж.С. Новая рукопись А.Д. Жабы как источник по изучению курдской культуры // Петербургское востоковедение. СПб., 1995. Вып. 7. С. 493–512.

¹⁵ АВ СПбФ ИВ РАН, разряд III, оп. I, ед. хр. 86.

¹⁶ Там же.

¹⁷ СПбФА РАН, ф. 776 А.Д. Жабы, оп. 4, № 7–10.

¹⁸ Jaba A. Dictionnaire kurde-français. SPb., 1879.

¹⁹ Руденко М.Б. Описание курдских рукописей. С. 108.

²⁰ Там же. С. 114.

им рукописей Мела Махмуд Баязиди подписывал именами Факир Махмуд Эфенди и Хаджа Махмуд Эфенди.

Выйдя в отставку в конце 1866 г. и поселившись в Смирне, А. Жаба полностью отдается сбору материалов по истории, этнографии, литературе, языку курдов. «Я занимаюсь новыми изысканиями в языке и курдской литературе и отделяваю перевод одной исторической книги с курдского, являющейся продолжением истории Шараф-хана», — сообщает он в письме в Петербург от 30 марта 1867 г.²¹

С этим же письмом в Императорскую Академию наук был доставлен из Смирны французский перевод введения (50 с.)²² к «Новой истории Курдистана», выполненный А. Жабой. «Наконец, — сообщает он в письме, — эта „История“ была написана в 1275 г.х. (1858-59 г.) в одном экземпляре, которым я обладаю и который предполагаю перевести тотчас же, как закончу две части моего словаря»²³.

Во «Введении», присланном А. Жабой, не встречается имя продолжателя Шараф-хана. Однако в письме А. Жаба сообщает, что «История курдов» в 1000 с. составлена по его повторной просьбе и за большое вознаграждение Мела Махмудом Баязиди²⁴. Этот труд, задуманный как продолжение «Шараф-наме», Мела Махмуд назвал «Таварих-и джадид-и Курдистан».

А. Жаба не прислал в Петербург курдский оригинал, с которого был сделан французский перевод «Введения», он также не сообщил, на основании каких источников была написана «Новая история Курдистана»²⁵. В начале «Введения» Мела Махмуд упоминает о Шараф-хане, рассказывает легенду о происхождении курдов, об их характере и наклонностях, образе жизни, об их диалектах, географическом расселении курдских племен. Затем он возвращается к «Шараф-наме» и его автору, упоминает о сделанном в Бидлисе турецком переводе этого сочинения, существующем, по его словам, только в двух или трех экземплярах.

За «Введением» следовал список правителей Курдистана с 1785-86 по 1857-58 г. Этот список правителей и эмиров, а также оглавление сочинения, состоящего из 11 глав, по которому можно судить о содержании труда Мела Махмуда Баязиди, А. Жаба приводит в письме к Б.А. Дорну от 13 июня 1867 г.²⁶

В сочинении описаны события, происходившие во всех курдских регионах за почти столетний период их истории с 1785-86 по 1857-58 г. По свидетельству А. Жабы, автор обращается и к более отдаленным временам вплоть до эпохи Шараф-хана Бидлиси. Мела Махмуд описывает события, произошедшие в Эрзерумской области, в Муше и Бидлисе, в округе Махмуди, в Ванской области, в Хаккари, Равандузе, Бахдинане, Силиване, в Карсе, Азербайджане, в Хойе, Тебризе, Ереване, Урмии, Мараге и Маку.

Остается неизвестной судьба сочинения «Тарих-и джадид-и Курдистан». Возможно, незавершенный перевод и рукопись остались в архиве А. Жабы в Смирне.

А. Жаба вместе с Мела Махмудом Баязиди собрал единственную по своей полноте коллекцию курдских рукописей (более 50, не считая словарей) по литературе, фольклору, истории, этнографии, языку курдов. Будучи в отставке и, по-видимому, испытывая материальные затруднения, А. Жаба в сентябре 1868 г. обращается с письмом в Императорскую публичную библиотеку с просьбой приобрести коллекцию курдских

²¹ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 2, № 90: 12.

²² СПбФА РАН, ф. 2, оп. 1 — (1865), № 20: 52–101.

²³ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 4, № 10: 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Васильева Е.И. Неизвестное сочинение по истории Курдистана // ПП и ПИКНВ. Л., 1967. III. С. 8–10; она же. Книга по истории Курдистана, которая остается найденной // ПП и ПИКНВ. М., 1991. XXIV/III. С. 33–59.

²⁶ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 4, № 10: 2.

рукописей²⁷. Дирекция библиотеки поручает П.И. Лерху, Б.А. Дорну и В.В. Вельяминову-Зернову ознакомиться с коллекцией и сообщить свое мнение, а также определить ее стоимость. В конце 1868 г. собрание рукописей было приобретено²⁸. Коллекция А. Жабы 90 лет не имела печатных описаний (имеется лишь упоминание П.И. Лерха в Отчете Императорской публичной библиотеки за 1868 г.)²⁹. В 1957 г. М.Б. Руденко опубликовала в трудах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина описание коллекции курдских рукописей А. Жабы, а в 1961 г. вышла ее работа «Описание курдских рукописей ленинградских собраний»³⁰.

Самую обширную часть коллекции составляют рукописи произведений крупнейших средневековых курдских поэтов, таких, как Факи Тейран, Мела Бате, Мела Джелири, рукописи шедевра курдской поэзии «Мам и Зин» выдающегося поэта XVII в. Ахмеда Хани и т.д.

Собрание, созданное во многом усилиями и стараниями Мела Махмуда Баязиди, содержит ряд уникальных рукописей произведений таких поэтов, как Харис Битлиси, Селим ибн Слемен, Дурфишани, Рамадани, Мурад-хан Баязиди. Благодаря этой коллекции стало известно о существовании литературных версий широкораспространенных курдских сказаний «Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зелиха», «Замбилфрош». Выдающийся курдский ученый Бадр-хан, ознакомившись с каталогом рукописей, в письме, адресованном М.Б. Руденко, отмечал, что он сам впервые узнал о многих до тех пор неизвестных ему литературных памятниках. И в этом большая неоспоримая заслуга принадлежит Мела Махмуду Баязиди.

Как указывалось выше, свои первые изыскания Мела Махмуд Баязиди сделал в своем родном городе, а позднее — в Тебризе. Какие были эти изыскания, сказать трудно. Несомненно, он занимался изучением истории и культуры своего народа еще до знакомства с А. Жабой. Можно с уверенностью полагать, что ко времени знакомства с русским консулом он уже хорошо изучил этнографию, фольклор и историю курдов. Его блестящие знания помогли ему быть не только прекрасным осведомителем и помощником А. Жабы в сборе и приобретении курдских рукописей различного характера, но и самому написать на курдском языке ряд интересных работ по истории, этнографии, языку курдского народа.

В наиболее плодотворный период своей деятельности, в 1858–1859 гг., когда Мела Махмуду было уже 60 лет, он осуществляет перевод труда Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме», представляющий большой научный интерес. Это был первый, пока единственный памятник по средневековой истории на курдском языке. Хранящаяся в Российской национальной библиотеке рукопись является автографом Мела Баязиди, и язык курдского перевода труда Шараф-хана Бидлиси отражает особенности норм классической курдской литературы на северном диалекте (курманджи). В этом отношении издание перевода, выполненного Мела Махмудом, имело особое практическое и историческое значение. Учитывая эти обстоятельства, а также и то, что в последние десятилетия у курдов, в частности у интеллигенции — носителей курманджи, возросла потребность изучать историю своего народа на родном языке, петербургские курдоведы в 1986 г. осуществили факсимильное издание этой рукописи³¹, сделав ее достоянием широкого круга курдских читателей.

²⁷ АРНБ, ф. 1. 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительного Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей.

²⁸ Мусазлян Ж.С. История коллекции курдских рукописей ГПБ // ПП и ПИКНВ. М., 1990. XXIII. С. 63–70.

²⁹ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 159–167.

³⁰ Руденко М.Б. Коллекция А. Жаба (курдские рукописи) // Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2. Л., 1957. С. 165–184; она же. Описание курдских рукописей.

³¹ Мела Махмуд Баязиди. Таварих-и кадим-и Курдистан.

Рукопись перевода «Шараф-наме» Мела Махмуда Баязиди содержит 257 страниц, на каждой по 13 строк. Переводу предшествует предисловие переводчика и оглавление рукописи, не всегда совпадающее с разделами в тексте.

При подготовке к факсимильному изданию автографа перевода Мела Махмуда Баязиди он был сличен с известным изданием труда Шараф-хана Бидлиси, осуществленным В.В. Вельяминовым-Зерновым³², в основу которого была положена рукопись из РНБ — копия автографа «Шараф-наме», датированная 1598 г.³³

При сличении обнаружено значительное число разночтений, касающихся собственных имен, географических и этнических названий, дат, пропуски ряда мест и даже глав; в рукописи наличествует, однако, большой отрывок (на полутора страницах), отсутствующий в издании В.В. Вельяминова-Зернова, а также некоторые другие небольшие дополнения.

Эти разночтения, сокращения, пропуски, исправления, дополнения в курдском переводе можно объяснить двояко. Во-первых, в распоряжении Мела Махмуда, несомненно, была другая рукопись сочинения Шараф-хана Бидлиси, отличная от рукописи, положенной в основу издания В.В. Вельяминова-Зернова; во-вторых, Махмуд Баязиди в переводе стремился отразить свое собственное понимание и толкование текста.

Остановимся на наиболее характерных отличиях перевода Мела Махмуда Баязиди в сопоставлении с персидским текстом «Шараф-наме» (издание В.В. Вельяминова-Зернова).

Прежде всего Мела Махмуд Баязиди значительно сократил свой перевод за счет изъятия всей вычурности, пышности, витиеватости стиля Шараф-хана Бидлиси. Мела Махмуд везде сократил начало глав и лишь в единичных случаях оставил в переводе высокий, изысканный стиль автора: «Воссел на ковер духовного руководства» (с. 85, 3-я стк. св.)³⁴; «Не успел он испить и одного глотка вина из чаши правления» (с. 90, 3-я стк. св.) и т.п.

Можно выделить несколько видов сокращений, сделанных Мела Махмудом Баязиди:

1) некоторые из них не влияют на содержание и правильно, не искажая, передают текст «Шараф-наме». По-видимому, для переводчика важно было передать суть содержания творения Шараф-хана, упростив язык оригинала, сделать памятник понятным и доступным простому курдскому читателю;

2) при сокращении Махмуд Баязиди иногда опускает собственные имена, географические, этнические названия, исторические факты, что бывает важно для понимания текста. Можно предположить, что в распоряжении Мела Махмуда была сокращенная рукопись «Шараф-наме»;

3) значительная часть сокращений, предпринятая Мела Махмудом Баязиди, придает переводу сжатость, строгость, лаконизм, однако в некоторой степени лишает текст художественности, красочности, образности, присущей сочинению Шараф-хана Бидлиси.

Сокращены описание пиршества (с. 229), текст грамоты (с. 215), описание праздника (с. 72), трагических событий (с. 223) и т.д.

В переводе Мела Махмуда Баязиди обнаруживается довольно много пропусков по сравнению с персидским оригиналом Шараф-хана Бидлиси. Везде опущены изречения из Корана и стихи, обычно служащие у Шараф-хана подведением итогов сказан-

³² Scheref-nameh, ou Histoire des Kourdes par Scheref prince de Bidlis, publiée pour première fois, traduite et annotée par V. Véliaminof-Zernof. Texte persan. T. I. SPb., 1860.

³³ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. С. 20.

³⁴ Указана страница рукописи Мела Махмуда Баязиди.

ному выше, и лишь в одном случае (с. 68, 3-я стк. св.) Баязиди приводит бейт. Опущены главы о султанах Египта и Сирии, называемых Айюбидами (с. 34), о правителях Хаккари (с. 92), о городе Джелире (с. 47), легенда о названии крепости Хизан и об основателе города Хизан (с. 107), о названии крепости Дарзини (с. 125), большой отрывок о курдах Атака (с. 129), о правителях Терджила (с. 131), о правителях Бане (с. 181), о названии Бидлис (с. 187), об основании города Бидлиса (с. 187), о строительстве Бидлиса (с. 189), характеристика Маулана Мухаммада Ширанши (с. 194), о слове «рожки» (с. 202), описание приготовления к битве (с. 220), описание пиршества у Шараф-хана (с. 241), описание пира по случаю женитьбы сына Шараф-хана (с. 244), опущено начало указа (с. 241) и начало главы о Шамсаддине — сыне Шараф-хана (с. 246).

В рукописи встречаются незначительные добавления историко-этнографического характера, отсутствующие в персидском тексте. Например, добавляется характеристика племени рожки (с. 202), поясняются местонахождение могилы шейха Ади (с. 7), происхождение названия города Шахризур (с. 35, 5-я стк. св.), дополняется характеристика правителя (с. 96, 2-я стк. св.) и т.д. Однако самое интересное и значительное дополнение представляет собой отрывок на полтора страницах рукописи (с. 204, 5-я стк. св. — 205, 6-я стк. св.) — о дарвише Махмуде Каладжири, превосходном поэте, прекрасно знавшем персидскую и турецкую поэзию, который был назначен управляющим правительственной библиотеки. Падишахским диваном ему на время в качестве удела был пожалован санджак Бидлис. Повествуется о его дальнейшей судьбе, о Касым-ага б. Хусейн-ага — правителе племени рожки.

Этот же отрывок имеется в переводе «Шараф-наме» на турецкий язык³⁵, выполненном Мехмедом Амином Бозарсланом с арабского перевода Мухаммад-Али Айни (1958 г.), в котором добавлены также три главы, опущенные как в персидском тексте, изданном В.В. Вельяминовым-Зерновым, так и в курдском переводе Мела Махмуда Баязиди (в третьем разделе второй части: глава 7. Об эмирах [племени] зарза; глава 8. Об эмирах [племени] истуни; глава 9. Об эмирах [племени] дасни). Расхождения наблюдаются в датах и цифрах. По-видимому, это обстоятельство можно иногда объяснить описками, допущенными Махмудом Баязиди при написании своего перевода, но чаще, как уже отмечалось, тем, что в его распоряжении была другая рукопись «Шараф-наме». Количество налогов, подарков, получаемых правителями, численность населения, войск, даты почти везде переданы цифрами. Опускаются названия месяцев. В персидском тексте все численные обозначения и даты даются арабскими словами. Случается, Мела Махмуд Баязиди опускает даты.

В основном переводчик придерживается арабо-персидской терминологии, встречающейся у Шараф-хана Бидлиси. Некоторые персидские, арабские, турецкие термины Махмуд Баязиди стремится заменить словами, понятными курдскому читателю: دينار — курд. فلورين, زير — курд. یرلیغ, فرمان — курд. فرمان.

Иногда Махмуд Баязиди опускает термины или же заменяет другими — опять-таки персидскими или турецкими: زعامت — курд. تیمار. Некоторые термины Махмуд Баязиди переводит описательно: ملازمین «мулазимы» — курд. مروفید اعیرخلن «люди Амир-хана».

Интересно, что فرسخ (единица измерения пути, равная 6 км) везде переводится как ساعت «час». По-видимому, это отражает обычай у курдов измерять путь количеством времени, потраченным на его прохождение.

³⁵ Seref-Han. Serefname. Kurt Tarihi. Arapçadan çeviren Mehmet Emin Bozarşlan. İstanbul, 1975. С. 462–465.

Не буду останавливаться на других, более мелких отличиях. В целом первый перевод на курдский язык, выполненный Мела Махмудом Баязиди, верно передает текст персидского подлинника и, несмотря на отмеченные выше пропуски, сокращения текста, представляет большую научную ценность, а язык Махмуда Баязиди отражает наиболее интересные черты, свойственные языку классической курдской литературы, возникшей на северном диалекте.

К переводу исторического источника Шараф-хана Мела Баязиди шел долго и последовательно. Он высоко ценил труд Шараф-хана. «Действительно, Курдистан обязан своей историей перу этого человека, преисполненного знаний и достоинства, самого выдающегося человека своего столетия»³⁶, — писал он. Свой труд «Таварих-и джадид-и Курдистан» Мела Махмуд задумал как продолжение сочинения Шараф-хана, и в нем он неоднократно обращался к этому выдающемуся памятнику. Так, через четверть тысячелетия прослеживается преемственность идей Шараф-хана, воплощенных в труде Махмуда Баязиди. Перевод на курдский язык сочинения Шараф-хана Бидлиси, а также другие работы, выполненные Мела Махмудом Баязиди, должны послужить источниками для исследования наследия этого видного курдского ученого XIX в.

Список сокращений

АВ СПбФ ИВ РАН — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук

АРНБ — Архив Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., Л.

ППВ — Письменные памятники Востока

СПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук

СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Summary

J.S. Musaelyan

Mela Mahmud Bayazidi and His First Translation of *Sharaf-name* by Sharaf-khan Bidlisi into the Kurdish Language

Sharaf-name, which was compiled in Persian by a famous Kurdish historiograph Sharaf-khan Bidlisi in the 16th century, still remains a unique source shedding light upon the history of the Kurds and Kurdistan, in conjunction with the adjacent countries, in the late middle ages.

The first translation into the Northern Kurdish dialect (Kurmandji), under the title *Tavarih-i kadim-i Kurdistan*, was made by a remarkable man of science and public figure Mela Mahmud Bayazidi in the Hijra year 1275/1858-59.

It was the Russian Consul in Erzurum A.D. Zhaba who initiated this translation. In return, Mela Mahmud Bayazidi gave a valuable assistance to A.D. Zhaba. He helped him in learning Kurdish and collecting Kurdish manuscripts. Their cooperation brought fruitful results—A.D. Zhaba acquired a good deal of manuscripts concerning Kurdish history, ethnology, literature, folklore and language and sent them to St. Petersburg to the Academy of Sciences, while Mahmud Bayazidi became a copyist, translator and the author of a few works including *The Customs of the Kurds*, the *Kurdish-French Phrase-Book*, *Kurdish-French Dictionary*, etc.

The Kurdish translation of the work by Sharaf-khan Bidlisi is of great scholarly importance. Taking this into consideration, the kurdologists from St. Petersburg published the autograph of Mahmud Bayazidi (257 pages) which is kept in the National Library of Russia (former State Public Library). Before publication, the translation of Mela Mahmud Bayazidi was compared to the well-known edition of the *Sharaf-name* by V.V. Vel'yaminov-Zernov. This work made it possible to find a lot of variant readings of personal names, place names and ethnonyms, many discrepancies in dates as well as some lacunae and addenda.

Mela Mahmud Bayazidi considerably simplified the original text—the language of his translation lacks the floweriness of Sharaf-khan Bidlisi's style, sometimes it looks too laconic which obviously deprives the translation of the richness of colours which can be found in the original work. Most probably Mahmud Bayazidi had at his disposal another version, perhaps an abridged one, of the *Sharaf-name*.

By and large, the work of Mahmud Bayazidi can be regarded as a sufficiently precise translation of the Persian original. His language reflects the most peculiar features of the Classic Kurdish literature written in the Northern Kurdish dialect.